

УДК 392.42

Т. А. Мищенко, В. А. Маслакова, Г. В. Сергеенко

**Традиционная культура Восточного Полесья
и советский масскульт в к. 1950–1960-х гг.**

Исследуется состояние традиционной культуры Восточного Полесья в период активного продвижения советского масскульта в деревню

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

(к. 1950-х – нач. 1960-х гг.). Отмечается стремление игнорировать наличие традиционной культуры, придать забвению с помощью атеистической пропаганды и конструирования псевдонародной культуры.

Традиционная культура является важной частью национальной культуры, участвует в формировании национального самосознания, позволяет транслировать на ментальном уровне духовный опыт предшествующих поколений. Изучение сосуществования и взаимоотношений традиционной культуры и советского масскульта в сер. XXв. представляется актуальным в свете кризиса других моделей сосуществования культур: европейской поликультурности, культурной глобализации и наступления массовой культуры на этническую культуру во всем мире.

Понятие традиционной культуры является системообразующей категорией, толкование которой можно свести к нескольким подходам, сформулированным К.В. Чистовым: социологическому, где традиционная культура понимается как устно передаваемый простонародный опыт и знания; эстетическому, где фольклор определяется как «художественная коммуникация»; филологическому, акцентирующему вербальность, связанность этой традиции словом; «теоретико-коммуникативному», где фольклор понимается как знаково-символическая система, возникающая в границах дописьменной культуры [18, с. 63–65; с.182–184].

Для нашего исследования использовался этнографический подход, относящий к традиционной культуре весь комплекс явлений данного народа, что позволило включить в предмет изучения следующие явления традиционной культуры: обряды (гадания, свадебные обряды), праздники, гуляния молодежи. Территория исследования ограничивается определенным локусом Восточного Полесья.

Историко-этнографическая область Полесье – особый регион, состоящий из отдельных географических зон, обладающих своей этнической спецификой, историей принадлежности к различным государственным образованиям. В то же время, границы историко-этнографических зон достаточно условны и выделяются как по географическим признакам (как правило, по речным бассейнам), так и по административным и политическим признакам. Так, на левом берегу Днепра выделяют следующие зоны Левобережного Полесья: Брянско-Жиздринское, Чернигово-Сумское, Гомельское [1, с. 38]. В древности эти земли были зоной контактов восточнославянских союзов радимичей, северян, частично кривичей, вятичей и полян.

Позже часть этих земель вошла в состав Великого княжества Литовского (с XVI в. – Речи Посполитой), а другая часть – Великого княжества Московского (позже – Российской империи).

В ходе фольклорной и диалектологической практики было проведено несколько полевых экспедиционных выездов в сельские и городские населенные пункты, расположенные по течению рек Ипуть и Беседь (бассейн Сожа, российско-белорусское пограничье в пределах Брянской и Гомельской областей). Мы беседовали с респондентками (сельскими и городскими жительницами 1927–1948 гг.р.) в следующих населенных пунктах: город Новозыбков, село Сновское (Новозыбковский район), посёлок Мирный (Гордеевский район), село Кожаны (Гордеевский район), село Летяхи (Красногорский район), деревня Колюды (Красногорский район), село Спиридонова Буда (Злынковский район), деревня Столбун (Ветковский район).

Таким образом, источниковая база исследования представлена аудиозаписями глубинных интервью, исполнения местного фольклора, фотографиями. Изучение советского масскульта производилось с помощью архива Новозыбковского района, где был отобран материал из двух фондов: №№ 59 и 162, содержащих документы отдела образования Новозыбковского района и отдела культуры Новозыбковского района.

Изучение проявлений традиционной культуры Восточного Полесья в к.1950–1960-х гг. показало интересное соотношение архаичности, локальности обрядов и традиций с советской культурной политикой, которая в это десятилетие активно продвигалась в деревню.

В целом сохранился календарно-обрядовый праздничный цикл, к которому были привязаны молодежные гуляния и семейные традиции. Определенная трансформация обрядов связана со следующими критериями: близость города, интенсивность советских культурных новаций, уровень материального благосостояния и религиозная принадлежность.

Так, в деревне Столбун, Ветковского района, достаточно удаленной от городского влияния, фиксировались наиболее архаичные ритуалы в свадебном обряде [19, с.152–155].

«Присутствие» советской власти обнаружилось лишь в сюжете о самогонварении. «У праздник гарелки выганишь – па четвэртинце гарманисту... Матка выгнала с крушины... черныя ягоды... вокны завесила и гоня... её брат привёз милиционера... крушины як выпили пошалели... пяють, ругаються, я баюсь, затушила, чуть карыта не абярнули, скачать» [7].

Отвечали на те же опросы жители близлежащей к г. Новозыбкову д. Сновское. Их ответы свидетельствуют об активной замене традиционных элементов культуры на советские. Так, осуждению на комсомольском собрании подвергся обряд «колодка», а местом сбора молодежи уже служил клуб, а не квартирные посиделки. «У нас был клуб. Зав клубом был, может помните такого, Иван Курбатов, который в горисполкоме работал» [8]. «Тады ж было такое время, што сказал напроти (что-нибудь против) и не пойдёшь в клуб» [3]. «А посиделки у старших были. Мои сестры туда ходили. Складывались: кто кашу варит, кто коржики печет, кто ещё что-то. И у кого-то квартера так сказать. У женщины, которая пускала» [9].

В других населенных пунктах мы обнаружили «промежуточный вариант» распределения мест гуляния молодежи: стихийные «пяточки» летом и клуб в холодное время года. «У клубах не гуляли летом. Пятачки. Девки, на пяточок пойдём? Пойдем. У парк это потом стали ходить. Я работала на ферме, нас было человек 40. Быстрее до обеда все сделаем, и такой круг <хоровод на Благовещенье>» [3].

Ответы городской жительницы З.Задорожной указывают на то, что мещанский уклад, характерный для провинциальных городов в начале века был полностью изжит советской культурной политикой. «Молодежь общалась?.. На танцах общалась. На танцплощадке, в домах культуры, специально в субботу, воскресенье танцы были. Что там и встречались, там и знакомились, и женились. На квартирах отдельно не собирались. Даже я в школе, были только если школьные вечера, я девять классов в первой школе кончала, только в школе если были вечера, а так, танцплощадка в парке гудела целую неделю, до...э... Пасхи еще все уже играло. И зимой в дом культуре. В городском и заводском ДК. Вот, а так не собирались, может эта, старина была большая, до революции. Такого у нас уже не было. Ну тогда же это все наказывалось, товарищи. Тогда нельзя было толком» [6].

«Гадать не ходили на святки. Нет, мы уже так этим не занимались. Советская власть нас отучила. Мать может и гадала когда-то, потому что она 22-го года рождения. Что-то она рассказывала, что гадала, да. На Святки гадали. Вот, а мы уже, это, молодежь уже этим не занимались. Мы уже были комсомольцы, пионеры, у нас считали, что это... чертовщина, что это ничего этого самого, никто уже у нас не занимался этим уже. Уже нас, это, отучили» [6].

В тоже время часть городского населения продолжала придерживаться религиозных традиций и церковных запретов. «Они

считали, что это бесовщина. Получается Великий пост, а мы празднуем Восьмое марта. И шо называется, это просто сделано... в... кажется, вспять. В церкви сделано. Много чего было сделано. Ведь читала я очень много литературы, сколько всех нормальных людей, благородных, которые чудесных, справедливых, их же всех уничтожили» [6].

Послевоенный уровень достатка существенно влиял на свадебный наряд невесты. Никто из респонденток не определял его как необходимо традиционный, указывая на бедность девушек.

«Одежда: от достатка зависело... Обязательно венки и ленты, платье святлейшее... у мене например платье штапельное белое вишенками по две в кучечку ...фартук не надевали, фаты тоже не было...бывали такие бедные девушки, что брали у соседки платье на свадьбу...и я свое з вишенками давала» [4].

Характерно, что в мотивацию брака проникают советские законы, преследующие холостяков. «Работать надо. А тогда ж делали етые, як их, шображали, як их назвать» [5]. «Холостяцкие платили. Нада на работу итить. На работе не платили ничега. Нада было ити на работу, и карову надо было держать, и парасёночка держать нада. Яна адинокая, и на работу ж гонят каждый день....» [2].

Наибольшее присутствие советской власти в воспоминаниях респонденток связано с необходимостью трудиться в колхозе в традиционно праздничные дни, когда для молодежи устраивалось гуляние (Рождество, Пасха, Троица, Духов день). «Да, милые, да. Тады ж было такое время, што сказал напроти (*что-нибудь против) и не пойдись у клуб... Милыя, скажу вам истинную правду, даже на Пасху, на Пасху заставляли нас на работу да авбеда, паедим на ета. Быв у нас Кандратенка бригадирам, ён еще жывый, Петя, запрягай каня, и но... Нас насодя и: «Ммм, бачишь, (все як ся у яго—мм) не давязе ета гагавна», баб. Баб же нас насодя и мы едим и с песнями. А мы не евши, идом из работы» [3]. «Бульбу дасеим, тада-то у мяшках, – слава Богудасеили, на воз – садились слава Богу уже дасеили бульбу в калхозе – и с песнями» [9].

Иногда колхозное начальство даже было вовлечено в праздничное действо, то есть можно говорить о переосмыслении традиции в новых советских реалиях в деревне: «Через неделю после Троицы русалку водять (нагреной неделе). Раньше мы еще были дятями русалку нарядить...вянок, у ленты и пошли за поселок у жито ...И у том жите так уже вытарнавались... На другой день председатель говорит: «Хлопцы, это вы загнали коней в жито?...На Троицу - по селу можем идти, другие песни петь – про агронома. Пришли к дому

агронома – она, женка уже зная, что подойдять, стол вынося, горелки, угощайтесь»[4].

Итак, на рубеже 1950-нач. 1960-х гг еще существует традиционный мир сельской культуры Восточного Полесья, но рост влияния советской культурной политики уже распространяется от города к деревне. Проводником новой советской культуры на селе являлся сельский клуб. Появившись в 1920-х гг, через 30 лет он существенно изменил функции и формы работы. После Великой Отечественной войны подчеркнутый интернационализм советского общества сменился установкой на формирование национального самосознания. Изменилась и роль клубов. Началось массовое строительство типовых зданий, возникли средние и высшие учебные заведения по подготовке специалистов для работы с населением: клубных режиссеров, массовиков-затейников, руководителей кружков и самодеятельных коллективов. Это должно было распространить некий унифицированный стиль культуры, национальный в своей основе.

В какой связи находилось это конструируемое «народное» и аутентичная традиционная культура приведем несколько мнений исследователей.

А.С. Каргин и Н.А. Хренов считают что «официальный стиль» народной культуры формировался следующим образом: «... советская массовая культура, которая пыталась имитировать народное творчество, тщательно собираемое, анализируемое, подвергаемое музеефикации и каталогизации. Песни в народном духе из репертуара многочисленных хоровых коллективов, фольклорные праздники, народные гуляния, воссоздаваемые народные обряды – все эти формы составляли специфику советского масскульта, ориентировавшегося на традиции, обычаи и ментальность русского народа. При этом собственно фольклор занял положение «неофициальной вытесненной культуры», в тоже время, псевдо-фольклор, а, по существу, массовая культура, стал официальным и широко рекламируемым» [10, с. 21].

О. Неменский в своей известной статье «Рустикализация русскости» обнаруживает следующие истоки формирования советской официальной культуры, желающей считаться народной и национальной: «Примечателен процесс конструирования в СССР «русской деревенской культуры». Он фактически идентичен обратным процессам у прочих народов, для которых создавалась новая городская культура. Он не был основан на «хождении в народ» по типу интеллигентского увлечения середины XIX века. Эпоха модерна предполагала свои пути оформления «деревенского» в культуре. Советская рустикализация была основана на современном

конструировании русского «народного стиля». Это «ярмарочная» «скоморошеская» фольклоризация, то есть она исходила не столько из изучения реального многовекового наследия деревенской культуры, сколько из её нового игрового конструирования. Ей предшествовал довольно продолжительный этап работы дореволюционных культурных деятелей по созданию «русского стиля» [11].

В результате за годы советской власти фактически произошла подмена живых традиций народной культуры её сфабрикованным вариантом. Основные атрибуты «народной культуры» (балалайки, матрёшки и т.д.) изобретены в эпоху модерна, то есть в конце XIX – начале XX века, и нередко имеют довольно спорные корни. «Русские народные песни», которые стали петь в советское время, в основном были написаны советскими же композиторами, нередко совсем не русскими по происхождению, и почти полностью вытеснили старинные. Произошла столь же спорная «национализация» народного костюма. Например, рубашки с вырезом по центру были объявлены «украинскими», а косоворотки – русскими, хотя такое разделение не имеет под собой достаточных оснований. Во многих великорусских областях были распространены те же «вышиванки», и то же можно сказать про деревенскую одежду любых других славянских народов» [11].

Наши архивные изыскания на локальном уровне подтверждают общегосударственную тенденцию не замечать в деревне традиционную культуру, стремиться «перевоспитать» сельского жителя, сконструировать иную историю.

Так, работникам сельских Домов Культуры предписывается создавать коллективы самодеятельности. К ним предъявляются следующие эстетические нормы:

«...Привал З.И. инспектор отдела культуры: Мы посмотрели выступление 4-х коллективов художественной самодеятельности. Нужно прямо сказать, что впечатление очень плохое. Коллективы худ. самодеятельности совершенно не подготовлены к смотру. Вот например верещакский коллектив худ. самодеятельности. Массовость хорошая, но ведь в один голос, не дружно. Совершенно не передают характер песни. Мужской ансамбль – один из ребят совершенно без слуха и поэтому ужасно фальшивит. Ребята слов не знают, над характером песни не работают, вылезли из тональности. Самый удачный номер – это в исполнении В. Галины. Нужно отметить, что в Верещакском сельском коллективе низка культура, выходят на сцену небрежно одетые, разговор ужасный. Нужно и В. и К. исправить все недостатки.

Не лучше выступил и святский сельский клуб, туга культура исполнения. ...не знают слов и ждут пока за кулисами подскажут. Нет ответственности за порученное дело.

...Лучше всех конечно выступил коллектив худ. самодеятельности Несвоевского сельского клуба. Это хороший коллектив худ. самодеятельности. Хорошо поют, дружно слаженно. Его конечно мы возьмём на районный смотр но с ним заниматься нужно это к вам относится тов. В.... Нужно, чтобы они не теряли второй партии, а для этого нужно заниматься с коллективом».

В селе появляется новая форма культуры: самодеятельный театр. Он также подвергается критике: «Б... М.С. – зав. (должность не разборчиво). Я хочу сделать несколько замечаний по поводу пьесы в святском коллективе «Назовем её «Леной». Ну, товарищи, если вы взяли такую вещь, так нужно, если не перевоплощались, то выучить хотя бы добросовестно свои роли. Ведь вы же совершенно не знали слов, ходили по сцене, как не живые. Цветы преподносили профессору в день рождения на расстоянии чуть ли не 3- метров, что он укусит что ли. Речь корявая, совершенно не передали характеров тех людей, которых Вы должны играть» [13].

Советское культурное начальство представляет себе клуб в селе, как центр новой культуры, разительно отличающийся от сельских посиделок, поэтому к его работе также предъявляются замечания: «Выступили: Завотделом культуры Болтникова А.Г., инспектор Привал З.И. Отметили, что клуб стал работать хуже, коллектив художественной самодеятельности работает нерегулярно. Новые гражданские обряды внедряются слабо». «Намечено ряд мероприятий организации отдыха населения – это вечера, массовые гуляния, детские утренники, поэтические митинги. Наиболее удачны и конкретизированы мероприятия Спиридоново-Будского сельского клуба» [15].

«В клубе совершенно отсутствует наглядная агитация. В клубе грязно, пыльно. Товарищ Кривонос стал на путь пьяницы и хулигана, будучи в нетрезвом состоянии, пытался учинить драку, выражался нецензурными словами, был доставлен в вытрезвитель и оштрафован на 15 рублей» [14].

Районный отдел культуры возлагал на сельские советы организацию атеистического воспитания. В плане работы на 1967– 1973 гг. указываются семинары совещания, семинары – практикумы, лекции, доклады, беседы, тематические вечера. При шести сельских ДК создавались клубы «Атеист». Таким образом, уничтожалась религиозная основа праздничных традиционных гуляний сельской молодежи [12].

Сельские школы приурочили свои социалистические обязательства к юбилею Октябрьской революции. Так, в 1966 г. планировалось в Новоместской восьмилетней школе собрать материалы для уголка истории развития с. Новое Место. При этом под историческими документами понимались материалы по истории партийной, комсомольской и пионерской организации села [17]. В другой школе учитель истории обязался собрать фотографии участников Отечественной войны и оформить фотоальбом:

«... Лузик С.К. – собрать и оформить материал по истории с. Катичи, о жизни и боевых подвигах Героев Советского Союза Курганского И.И.» [16].

В рамках данной статьи мы рассмотрели вопрос о сосуществовании традиционной культуры Восточного Полесья и советского масскульта в к. 1950–1960-х гг.

На базе полученных знаний, используя этнографический подход, в ходе фольклорной и диалектологической практики мы исследовали явления традиционной культуры, что отобразили множеством примеров в работе. Согласно устным свидетельствам опрошенных женщин, их молодость в 1950-нач.1960-х гг. вполне укладывалась в рамки традиционной культуры, испытывая определенные трансформации: снятие жестких рамок «контроля тела» в свадебной обрядности, исчезновение традиционной обрядовой одежды, появление свободы выбора брачного партнера.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что советский масскульт не стремится взаимодействовать с традиционными для Восточного Полесья формами культуры. Все предается забвению, игнорируется, либо подменяется псевдонародной культурой, внедряемой через институты советской культурно-образовательной системы. У поколения сельской молодежи вт.пол 1960-х гг, согласно исследованным архивным данным, формируются новые ценности и иная историческая память. Советская масскультура превращала народную, традиционную культуру в псевдокультуру.

Литература

1. Бондарчик, В.К., Браим И.Н., Бураковская Н.И. Полесье. Материальная культура. Киев. 1988
2. Записано от Алейниковой П.Т. 1927 г.р., с. Медведи Красногорский р-н Брянская обл.

3. Записано от Гайшинец П. 1943 г.р., Красногорский р-н, д. Летяхи Брянская обл.
4. Записано от Грищенко В.И. 1940 г.р., с. Спиридонова Буда Злынковского р-на Брянская обл.
5. Записано от Давыденко Т.П. 1927 г.р., с. Медведи Красногорский р-н Брянская обл.
6. Записано от Задорожной З.Г. 1948 г.р., г. Новозыбков Брянская обл.
7. Записано от Крупенковой М.А. 1938 г.р., Ветковский р-н, д. Столбун Гомельская обл.
8. Записано от Потапенко Р.В. 1938 г.р., Новозыбковский р-н, д. Сновское Брянская обл.
9. Записано от Хаянок Н. 1938 г.р., Красногорский р-н, д. Летяхи Брянская обл.
10. Каргин А.С., Хренов Н.А. Фольклор и кризис общества. М., 1993.
11. Неменский О. Рустикализация русскости. // АПН <http://www.apn.ru/publications/article33519.htm>
12. Новозыбковский районный архив. Ф. 162 оп. 1 ед. х. 26 л.9.
13. Новозыбковский районный архив. Ф. 162, оп. 1 ед.х.23. л.10
14. Новозыбковский районный архив. Ф. 162, оп. 1, ед. х 23, л 21.
15. Новозыбковский районный архив. Ф. 162, оп. 1, ед. х 23, л 9.
16. Новозыбковский районный архив. Ф. 59 оп. 1 ед. х. 17 л. 43.
17. Новозыбковский районный архив. Ф. 59 оп. 1 ед. х. 17 л. 7 об.
18. Mishchenko, T.A. Existence «Control of body» and dishonoring practices in the traditional wedding ceremony among people of east poles ye in 50s of the XX century // Science and Education / publishing office Vela Verlag Waldkraiburg – Munich – Germany, 2015; Мищенко Т.А., Куркина С.П. Символика женской «почестности» в свадебном обряде жителей Восточного Полесья: акциональный и вербальный аспекты // Матэрыялы XII Міжнароднаі навуковай канферэнцыі «Славянскія літаратуры ў кантэкстэ сусветнай» Да 750-годдзя ДантэАліг'еры I 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча. Мінск. БДУ 22–24 кастрычніка. 2015.
19. Мищенко, Т.А. Масленичные гуляния как форма общения

молодежи на территории Восточного Полесья в к. 1940–1950-е гг.
(По материалам полевого исследования) // Социокультурная среда
Российской провинции в прошлом и настоящем: Сб. научных статей
– Елабуга: Изд-во Елабужского института КФУ, 2015.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ